

1. ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ ДИСКУРС

УДК 821.1 61.1:82-1

Ф. И. ТЮТЧЕВ И КРЫМСКАЯ (ВОСТОЧНАЯ) ВОЙНА 1853–1856 гг.

Баранская Е. М.

*ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова»,
Симферополь, Россия
E-mail: eleni313@mail.ru*

В статье прослеживается состояние общественного сознания России середины XIX в. и отражение исторических событий эпохи в поэтическом творчестве, публицистике и эпистолярной Ф. И. Тютчева. Анализируется восприятие событий Восточной (Крымской) войны 1853–1856 гг. русским мыслителем с учетом психологического склада его личности. Исследуется политическая лирика поэта 1840–1850-х гг., которая отражает глобальное историческое видение поэта. Выясняется, что отправной точкой в картине мира Ф. И. Тютчева является Россия – ее история и глобальное мировое предназначение, что определяет как собственно политическую деятельность мыслителя, включенного в информационную политику русского государства, так и его публицистические труды, в едином массиве с которыми выступает политическая лирика. Подчеркивается, что события и исход Восточной (Крымской) войны 1853–1856 гг. переживались поэтом как личная трагедия и вносили существенные коррективы в политическую концепцию Ф. И. Тютчева взаимоотношений России и Европы.

Ключевые слова: Ф. И. Тютчев, Восточная (Крымская) война 1853–1856 гг., история России, политическая лирика, публицистика, эпистолярный.

ВВЕДЕНИЕ

Крымская (Восточная) война 1853–1856 гг. – крупнейшее событие европейской истории и переломный момент истории отечественной. Эпохальные события закономерно нашли отражение в поэтическом творчестве и эпистолярной представителей русской культуры, в частности Ф. И. Тютчева.

Поэт, публицист, философ, дипломат – Ф. И. Тютчев отнюдь не был сторонним созерцателем исторических катаклизмов, он был погружен в историю, жил ею, а исторические события в его поэзии исполняли «функции аргументов, доказывающих его политические убеждения» [5, с. 49]. Проницательный дипломат, Ф. Тютчев анализировал, делал выводы, прогнозировал будущее – как России, так и всей Европы. Но его размышления все же были сосредоточены главным образом на России. «<...> Он и Россия – одно целое, и он не помышляет ни о чем другом, кроме как о величии, процветании и совершенствовании, нравственном и материальном, своей страны» [цит. по: 9], – писал о Ф. Тютчеве К. Пфедфель (брат его второй жены Эрнестины Ф. Тютчевой) в 1870 г.

В Восточной войне, указывал биограф поэта К. В. Пигарев, Ф. И. Тютчев увидел «вещее предзнаменование, перст промысла, указующий России путь к ее “таинственной мете”» [20, с. 150], а деятельность западных держав расценивал как «“заговор”, направленный на то, чтобы преградить России путь к осуществлению ее провиденциальной миссии» [20, с. 150]. И поначалу Тютчев был «окрылен надеждами» (К. В. Пигарев) [20, с. 150], но надежды не вытесняли реалистичный взгляд на исторические события; поэт мучительно переживал пропасть между размышлениями о

великой миссии России Православной и поражениями на международной арене. Ход Крымской войны переживался поэтом драматично: «<...> Наш ум, наш бедный человеческий ум захлебывается и тонет в потоках крови <...>. Никогда еще, быть может, не происходило ничего подобного в истории мира: империя, великая, как мир, имеющая так мало средств защиты и лишенная всякой надежды, всяких видов на более благоприятный исход», – писал он Эрн. Ф. Тютчевой 17 сентября 1855 г. [32, т. 5, с. 227–228]. Поэт находился в предчувствии «страшной катастрофы» [32, т. 5, с. 191], о чем годом ранее, 18 августа 1854 г., писал жене: «О негодяи! Бывают мгновения, когда я задыхаюсь от своего бессильного ясновидения, как заживо погребенный, который внезапно приходит в себя» [32, т. 5, с. 191]. Трагизм восприятия действительности не разрушал общей мировидческой концепция Ф. И. Тютчева, но обновлял ее, избавлял от иллюзорности. По замечанию В. В. Кожина, поэт «вернее и глубже видел теперь лик России», но «сомнений в величии судеб родины» у него не было [9].

Политическая лирика Ф. И. Тютчева отразила эволюцию политической концепции, выраженной в его публицистических работах. По замечанию Н. М. Шишковой, «начиная с 1844 (с первых политических статей, опубликованных в Германии), и вплоть до 1854 г. все высказывания Тютчева на политические темы <...> могут рассматриваться как часть единого замысла. Этот замысел имеет название “Россия и Запад” <...>» [37]. При этом психологический склад Тютчева обусловил чуткую восприимчивость к политическим событиям эпохи, что в совокупности с незаурядными аналитическими данными способствовало формированию провидческого дара, о котором единодушно говорили как современники поэта, так и потомки: «Пророк в своем Отечестве» [9] (В. В. Кожин).

Во многих политических стихотворениях проявляется «связь высокой мистики и подчас публицистически выражающей себя полемики» [28, с. 79]. К сфере «политической лирики» Ф. Тютчева, вслед за П. Н. Толстогузовым, относим как «отклики поэта на политические события», так и «стихотворения, которые содержат поэтическое видение глобальных исторических проблем» [28, с. 76].

Завершенность поэтико-психологическому портрету Ф. И. Тютчева придают его письма, которые правомерно расценивать как «страницы политической истории России и Европы XIX в.» [35, с. 405].

Цель нашей статьи – проследить, как события Крымской войны отразились в литературном творчестве и эпистолярной Ф. И. Тютчева, и выявить степень сопряженности творческой эволюции автора с исторической данностью.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Брошюру 1844 года «Россия и Германия (Письмо доктору Густаву Кольбу, редактору «Всеобщей Газеты»)» Ф. И. Тютчев открывал словами: «Я русский <...> русский сердцем и душой, глубоко преданный своему отечеству <...>» [32, т. 3, с. 111]. Далее дипломат-поэт упрекал печать Германии в отсутствии «политического такта», в создании общественной атмосферы ничем не оправданной ненависти к России [32, т. 3, с. 122]: «Чем, если не нравственной безответственностью, объяснить ту пламенную, слепую, неистовую враждебность к России, которой она предается в течение многих лет?» [32, т. 3, с. 125] – вопрошал Ф. И. Тютчев. Он предвидел близкую опасность от нарастающей недоброжелательности в отношении к России [32, т. 3, с. 128], полагал, что Германия транслировала отношение к России всего Запада, и постепенно включался в противостояние с антироссийской информационной политикой европейских государств.

Европейские настроения Тютчев знал очень хорошо. Уже в 1829 г. он воспринимался как заметная фигура в мюнхенском обществе, перед ним был открыт «доступ в придворные круги и светские салоны Мюнхена» [6, с. 21]. Проницательность дипломата вызывала эффект «камня, брошенного в воду», и провоцировала политические дискуссии [6, с. 22]. На рубеже 1820–1830-х гг. Ф. Тютчев сотрудничал с главой Российской миссии в Мюнхене И. А. Потемкиным, который высказывал мысль «о необходимости организовать противодействие антирусским тенденциям европейской печати, принимающим все более агрессивный характер» [6, с. 29]. С лета 1841 г. [6, с. 129; 18, с. 92] Тютчев уже не состоял в штате МИД, но жил в Мюнхене и «остро реагировал на материалы антирусской направленности» [19, с. 234]. После выхода в отставку посвятил себя организации «систематического воздействия на европейское общественное мнение путем консолидации действий европейских публицистов, известных своими симпатиями к России» [6, с. 35].

В условиях, когда европейской печатью целенаправленно культивировались антирусские настроения, перераставшие в истерию [15, с. 37], дипломатическая деятельность Тютчева нашла продолжение в его публицистических трудах. На этом поприще Ф. И. Тютчев «пересекался» с ведомством графа А. Х. Бенкендорфа, которое выполняло функции контрразведки. Глава III Отделения Бенкендорф осознавал необходимость системного подхода в вопросах противодействия «агрессивным выпадам европейской печати» в отношении России [13, с. 146, 145]. Ф. И. Тютчев в 1843 г. предложил Бенкендорфу собственный проект контрпропаганды [13, с. 148]; получил год, чтобы «проработать все практические детали» [18, с. 95], и предложение «самому активно выступать в европейской печати» [18, с. 95]. После смерти Бенкендорфа (23 сентября 1844 г.) Тютчев напрямую обратился к императору с предложением «завязать прочные отношения с какой-нибудь из наиболее уважаемых газет Германии, обрести там радетелей почтенных, серьезных, заставляющих публику себя слушать <...>» [цит. по: 13, с. 149]. Николай I одобрил рвение поэта, но с реализацией проекта не торопился. Правда, одобренные «сверху», публицистические работы Ф. И. Тютчева «Россия и Революция» (Николай I пожелал, чтобы «она была опубликована за границей» [10, с. 232]) и «Папство и Римский вопрос», появились во французской печати, однако их заглавия были изменены редакцией таким образом, что тексты стали восприниматься как «позиция российского официоза» [13, с. 149], что не позволило добиться должной степени доверия читателя к авторскому мнению.

«Разлив враждебных криков против России» [32, т. 3, с. 125] в Германии через несколько лет, в преддверии Восточной войны 1853–1856 гг., зазвучал в унисон с агрессивными, полными «бешенства и лжи» выпадами против русского мира со стороны Англии и Франции («мнимых христианских обществ» [32, т. 5, с. 150]). В 1840-е годы «словесное буйство» ненависти, в восприятии Ф. И. Тютчева, – всего лишь «холостая пальба по России», расцениваемая русским обществом как «безвкусное развлечение» [32, т. 3, с. 128]. Однако в 1850-е годы спор между Францией и Россией о преимущественном владении христианскими святынями на территории Турции спровоцировал реальный вооруженный конфликт. Целью военных действий России было освобождение Дунайских княжеств от турецкого гнета [16, с. 23–24]. Но французской прессой усиленно насаждалась мысль о «русской угрозе» для Европы, о неизбежности войны с Россией – «северным колоссом» [14, с. 11–13], царством рабства и дикости, угрожающим «уничтожить европейскую цивилизацию» [17, с. 48]. В европейском обществе

пробуждались стереотипные представления о русских, как о подобии архаичных варваров-завоевателей [14, с. 68–70]. В России при этом положение единоверцев на Востоке воспринималось как «вопрос жизни и смерти» [27, с. 137], и это вело к подъему патриотических настроений, отразившихся в литературе и публицистике, где актуализировалась тема помощи братьям-славянам. Во главе патриотически настроенных кругов русского общества были братья К. С. и И. С. Аксаковы, А. Д. Блудов, М. П. Погодин, Ф. И. Тютчев и др. С. Т. Аксаков, скажем, ратовал за «восстановление славянского мира», без которого «нет для нас торжества» [8, с. 389]. Ф. И. Тютчев при этом настаивал на особой культурной и идеологической миссии Святой Руси.

1831 годом датируется стихотворение «Как дочь родную на закланье...» (первая полная публикация – 1851 г.), в котором «впервые прозвучали идеи и появились образы, которые получают развитие в 1840–1860-х гг. – «знамя Русское», «слово Русского народа», «подвиг просвещения» [32, т. 1, с. 485] и др. В 1848 г. написано стихотворение «Море и утес» (впервые опубликовано в 1886 г.), которое, по мнению И. С. Аксакова (биографа Ф. И. Тютчева), «изображает Россию, ее твердыню, среди разъяренных волн западноевропейских народов, которые, вместе с всеобщим мятежом, были внезапно объаты и неистовою злобою на Россию» [1, с. 116]. Именно «угрозы и хулы на Русь со стороны иностранцев» [1, с. 116], уверял биограф, послужили поводом к созданию произведения. К такому умозаключению его подталкивало содержание тютчевской работы «Россия и Революция». Однако думается, что И. С. Аксаков видел это стихотворение и в более широком контексте. В русской литературе к тому времени уже сложилась заметная тенденция – отвечать на антироссийские выпады Европы. Наиболее яркий образцом произведений этого ряда явилась пушкинская ода «Клеветникам России». Гражданская и поэтическая позиция Тютчева во многом согласовалась с пушкинской, и в этом отношении политическая лирика Тютчева может восприниматься продолжением пушкинской традиции, что, очевидно, ощущал И. С. Аксаков и на что обращают внимание современные исследователи [12, с. 81]. С легкой руки В. Я. Брюсова «Море и утес» считается одним из «лучших политических стихотворений Тютчева»: в образах моря и утеса представлена мощь русского мира и бессилие европейской революции. «Море и утес» Ф. И. Тютчева акцентирует «мотив противоборства между христианством и революцией как двумя метафизическими силами» [7, с. 31] – полагает Д. В. Долгушин. Примечательно, что образы «моря» и «утеса» созданы поэтом в результате переосмысления созданного В. А. Жуковским стихотворения «К русскому великану»: Ф. И. Тютчев интонирует религиозные образы. «Душой Революции» назван «антихристианский дух» [32, т. 3, с. 144], противостоящий христианскому «смирению и самоотвержению». Показателен комментарий Д. В. Долгушина к первой строфе: «Тютчев <...> описывает бунтующую воду-революцию как стихию откровенно inferнальную» [7, с. 31].

Попытаемся в общих чертах сформулировать политическую концепцию Тютчева. Россия для него – легитимная Христианская Империя (следующая после Римской «Пятая Империя»), с гибелью которой погибнет весь земной мир. Империя, по Тютчеву, – это политическая константа мировой истории. (Он был сторонником теории «переноса Империй», согласно которой «Вселенская Монархия – это *Империя*. Империя никогда не прекращала своего существования. Она только переходила из рук в руки» [32, т. 3, с. 198]). И в представлении Тютчева, «Империя едина: Православная Церковь – ее душа, славянское племя – ее тело» [32, т. 3, с. 196]. Русские самодержцы перенимают законную

власть от византийских императоров – преемников Константина Великого. События современности воспринимаются Тютчевым, как попытка Запада узурпировать *имперскую* власть. Причем попытки эти берут начало с эпохи Наполеона – «сына Революции» («Наполеон», ч. I, 1850) [32, т. 1, с. 219]. Противостоять разрушительной Революции, завершить «на Западе революционное междуцарствие трех последних веков» и положить «начало в Европе новой эре» способна лишь Россия – хранительница Вселенского Православия. Таким образом, «Восточная Империя – это Россия в полном и окончательном виде» [32, т. 3, с. 196]. Однако современной России, чтобы окончательно превратиться в «Восточную Империю» [32, т. 3, с. 196], необходимо предпринять ряд шагов: присоединить Грецию, Константинополь, славянские земли, которые все еще под властью Австрии и Турции. И тогда свершится: «Православный Император в Константинополе, повелитель и покровитель Италии и Рима. Православный Папа в Риме, подданный Императора» [32, т. 3, с. 201] (<Отрывок>, 13 сентября 1849). Ф. И. Тютчев остро переживал предчувствие глобальных перемен: «И когда еще призвание России было более ясным и очевидным? <...> Запад уходит со сцены, все рушится и гибнет во всеобщем мировом пожаре <...>» [32, т. 3, с. 157].

В последующие два года стихотворный ряд, непосредственно связанный с публицистическими трудами Ф. Тютчева (трактат «Россия и Запад» (1849), статьи «Россия и Революция» (1848), «Папство и Римский Вопрос» (1849–1850)), дополнили стихотворения «Русская география» (1848 или 1849), «Рассвет» (1849), «Пророчество» (1850), «Тогда лишь в полном торжестве...» (1850), «Уж третий год беснуются языки...» (1850).

«Русская география», датируемая 1848 или 1849 г. (первая публикация – 1886 г.), – отклик на революцию в Европе, утверждающий незыблемость российского мира и отражающий чаяния поэта, в которых Россия – Империя трех столиц и семи морей: «Москва и Град Петров, и Константинов Град – / Вот царства Русского заветные Столицы... / Но где предел ему? и где его границы – / На север, на восток, на юг и на закат?... / Грядущим временам судьбы их обличат...» [32, т. 1, с. 200].

14 марта 1848 г. появился Манифест Николая I по поводу революционных событий в Австрии и Пруссии. Спустя неполных два года, в январе 1850 г., вышла статья Ф. И. Тютчева «Папство и Римский вопрос» (ж. «Revue des Deux Mondes»), где Революция – производное от католицизма, которому присущ неприемлемый для нравственности русского человека дух индивидуализма. Народы Запада, идущие по пути разрушительной революции, обречены на подчинение политическому механизму, на идолопоклонство, подменившее истинную религию. России судьбой предназначено уберечь Европу от революционного саморазрушения. Во главе России православной – православный монарх. Тогда же, в марте 1850 г., в печати появилось стихотворение «Уж третий год беснуются языки...», передающее читателю концептуально важное для Тютчева представление об исторической судьбе России: «Подавлен ум зловецю тоской; / Мечты людей, как сны больного, дики. / Но с нами Бог!.. <...> / <...> но... «да не будет тако!» – / Ты рек, – и вспять отхлынула волна» [32, т. 2, с. 15].

1 марта 1850 г. последовало стихотворение «Пророчество». Впервые опубликованное в 1854 г. (ж. «Современник»), стихотворение вызвало резонанс в русском обществе и осторожные отклики ближайшего поэту окружения, что, впрочем, не снизило интереса к тексту. Стихотворение развивает мысль политического трактата «Россия и Запад» об основополагающих началах России: «Славянское племя,

православная Империя». «Россия гораздо более православная, нежели славянская, – считал Ф. И. Тютчев. – И, как православная, она является залогохранительницей Империи» [31, с. 222]. В прошлое ушли «4 империи: Ассирия, Персия, Македония, Рим. С Константина начинается 5-я и окончательная Империя, христианская Империя» [32, т. 3, с. 198]. Уже в конце марта 1850 г. в письме к П. А. Вяземскому Тютчев определенно говорит о пути развития России, отличном от западного: «Достаточно было бы только оставаться там, где мы поставлены судьбою. Но <...> вместо сохранения за нашею мыслью относительно Европы той точки опоры, которая естественно нам принадлежит, мы ее, эту мысль, привязали, так сказать, к хвосту Запада. Я говорю – мы, но не Россия» [32, т. 5, с. 16]. Запад уничтожил себя сам, его История завершается «на наших глазах», потому что это – «история узурпированной Империи» [32, т. 3, с. 198]. И поэт не был одинок в своих убеждениях. Их в значительной мере поддерживал Я. П. Полонский, который изначально разделял представления Ф. И. Тютчева о российской империи как о «святом ковчеге» спасения посреди бурь, потрясающих западноевропейские страны (ст. Ф. Тютчева «Россия и Революция») [3, с. 59]. В начале 1850-х гг. в стихотворении Я. П. Полонского «Заступница» православная Россия представлена как воительница во славу Христа и «заступница» за весь православный люд [3, с. 59]. Даже в Крымскую кампанию в стихотворении «Рыцарская ошибка» Я. П. Полонский рисует новый Константинополь на берегах Крыма, в Севастополе, где «даль гудит колоколами», / «Словно чудо вырастает / Яркий купол над водою, / – Крест <...> сияет / Путеводною звездою» [24, с. 104].

Публикация «Пророчества» осуществилась, когда в русском обществе были еще сильные патриотические надежды после череды побед (Нахимова, Бебутова и на Дунае). 19 марта 1854 г. Эрнестина Федоровна в письме к А. Ф. Тютчевой отмечала: «Я очень довольна, что стихи твоего отца появились сейчас – все увидят, что он думал, что предчувствовал еще тогда, когда все умы были в оцепенении, нет сомнения, что в нем есть нечто от пророка – ведь поэт – пророк» [29, с. 261]. Правда, 12 марта 1854 г. министру народного просвещения А. С. Норову генерал-адъютант Н. Н. Анненков направил «конфиденциальное» отношение, передающее мнение императора Николая I о несвоевременном характере публикации текста: «Государь император, прочитав это стихотворение, изволил последние два стиха собственноручно зачеркнуть и написать: “подобные фразы не допускать”» [цит. по: 32, т. 5, с. 347]: «Пади пред ним, о царь России, – / И встань – как Всеславянский царь!» [32, т. 2, с. 14].

Стихотворение «Рассвет» (1849), созданное за несколько лет до начала Крымской войны, также впервые было опубликовано уже в разгар военной кампании – в 1854 г. (ж. «Современник»). За короткое оно время пережило несколько изданий: в составе сб. патриотических стихотворений В. Деметьева «С нами Бог! Вперед!.. Ура!..» (1854), сб. «Братьям-славянам». «Рассвет» сохранял актуальность долгие годы: говорил «даже больше, чем хотел сказать сам поэт» (В. Я. Брюсов) [32, т. 1, с. 509]: «Вставай же, Русь! Уж близок час! / Вставай Христовой службы ради! / Уж не пора ль, перекрестясь, / Ударить в колокол в Царьграде?» [32, т. 1, с. 218]. Современниками стихотворение связывалось с событиями Крымской войны, на что, в частности, указывал П. И. Капнист в 1865 г.: «Основной смысл этой пьесы не утратил своего значения, и она совершенно свежа теперь, спустя 15 лет, тогда как столько стихов, навеянных другим поэтам тою же крымскою кампанией, теперь уже – анахронизмы...» [цит. по: 32, т. 1, с. 509].

14 июня 1853 г. Николай I выступил с манифестом «О движении российских войск в Придунайские княжества»: «Не завоеваний ищем мы; в них Россия не нуждается. Мы ищем удовлетворения справедливого права, столь явно нарушенного» [8, с. 375]. 22 июня июля два корпуса русской армии вступили на территорию Молдавии. После победы русской эскадры под командованием вице-адмирала П. С. Нахимова в Синопском сражении (18 ноября) в публикациях и адресах славянофилов озвучиваются идеи «освобождения славян», призывы к русскому монарху короноваться в Царьграде, объединить славянские народы под своей державной рукой. Славянофил А. С. Хомяков в стихотворении «К России» (март 1854 г.) подчеркивает мессианское предназначение страны: «Тебя призвал на брань святую, / Тебя господь наш полубил, / Тебе дал силу роковую, / Да сокрушишь ты волю злую / Слепых, безумных, буйных сил» [34, с. 136]. Патриотические упования владели российским обществом. П. А. Вяземский, далекий от славянофильских кругов, восклицает: «Нахимов, Бебутов – победы-близнецы!» [8, с. 381]; его «Песнь русского ратника» (28 июня 1853 г.) с призывом к защите южных славян от гнета Турции вызывает бесконечное восхищение четы Тютчевых: Эрн. Ф. Тютчева распространяет копии «Песни» среди парижских знакомых, а Федор Иванович способствует ее публикации в «Северной пчеле» [29, с. 257]. В 1854 г. П. А. Вяземский выпустил сборник патриотических стихотворений «К ружью!», где звучит готовность «русского ратника» сразиться за «Русь Святую» и отстоять «наш поруганный алтарь» [17, с. 44–45]. Пафосом единодушного патриотического порыва был пропитан и сборник В. Дементьева (1854) «С нами Бог! Вперед! Ура!..» [26], объединивший поэтов – братьев по вере: русских, украинцев, безымянного серба. Здесь опубликованы стихотворения С. Шевырева, О. Миллера, Ф. Глинки, Ф. Тютчева, А. Майкова, П. Вяземского, С. Раича, Н. Арбузова, В. Поедугина, И. Ваненко и др. Хронология военных событий, преимущественно, определила тематику сборника: от ликований по случаю победы Нахимова в Синопской битве до негодования по поводу вероломной политики Англии и Франции, экскурсии в славное прошлое России (суворовские походы, Отечественная война 1812). Темы объединены религиозной направленностью сборника: Россия выступает как хранительница православия [2, с. 96].

В письме к Эрнестине Ф. Тютчевой от 27 сентября 1853 г. появляются строки стихотворения «Неман» («Проездом через Ковно») (датируется 5–7 сентября 1853 г.), связанного с переходом через реку армии Наполеона в 1812 г. В картине мира Ф. И. Тютчева события отечественной истории 1812 г. логически связаны с современностью, наталкивают на предвидение грядущих военных действий Запада против России. В феврале 1854 г. «Неман» появляется в печати (сб. «Раут»). В марте Франция и Англия объявили войну России, вскоре к ним присоединилась Италия. Стихотворение воспринимается как остро актуальное: в том же 1854 г. публикуется «Современником».

Напряженность международной ситуации поселяет в душе поэта чувство тревоги, отчасти растерянности и заставляет с особым напряжением искать ответы на давно волнующие вопросы. Характерно, что в поисках ответа, Тютчев обращался даже к потустороннему миру духов. 3 октября 1853 г. в письме к жене он признавался в попытках разрешить два важных вопроса («вопрос о войне» и «правду ли говорят столы»), прибегая к помощи «вертящихся и пишущих столов»: «<...> по-видимому, только одни столы и занимаются текущими событиями, ибо именно стол, отвечая на мой вопрос, написал мне самым красивым своим почерком, что в *будущий четверг*, то есть 8/20-го этого месяца,

появится манифест с объявлением войны» [32, т. 5, с. 142]. Отметим: обращаясь к спиритизму, Ф. Тютчев разделял «нервное настроение» русского общества. По словам кн. В. П. Мещерского, в 1854 и 1855 годы «<...> явления и опыты спиритизма, в форме вертящихся столов и пишущих карандашей, происходили чуть ли не в каждой гостиной Петербурга» [11, с. 37].

Об увлечении поэта спиритизмом («столоверчением») свидетельствовала и его дочь. Из дневника А. Ф. Тютчевой от 14 ноября 1853 г.: «Отец <...> с головой увлечен столами, не только вертящимися, но и пророческими. Его медиум находится в общении с душой Константина Черкасского <...>. Странно то, что дух этого стола, как две капли воды, похож на дух моего отца: та же политическая точка зрения, та же игра воображения, тот же слог» [33, с. 74]. 6 апреля 1854 г.: «Мой отец находится в состоянии крайнего возбуждения, он весь погружен в предсказания своего стола, который <...> делает множество откровений, как две капли воды, похожих на собственные мысли моего отца. Стол говорит, что восточный вопрос будет тянуться 43 года, что он разрешится только в 1897 г., когда потомок теперешнего императора вступит на константинопольский престол...» [33, с. 81]. По-видимому, в промежутке между этими дневниковыми записями [32, т. 2, с. 402] было написано стихотворение «Спиритистическое предсказание» (ноябрь 1853 г. – апрель 1854 г.), навеянное военными действиями российской армии на Дунае: «Дни настают борьбы и торжества, / Достигнет Русь завещанных границ, / И будет старая Москва / *Новейшею* из трех ее столиц» [32, т. 2, с. 63].

Обращение к спиритизму, скорее всего, было способом побороть тревожные предчувствия. По всей видимости, поэт создавал возможность трагического развития событий. 24 февраля 1854 г. он признавался Эрн. Ф. Тютчевой: «Я был <...> из самых первых, видевших приближение и рост этого страшного кризиса, – и теперь, когда он наступил и готовится охватить мир, чтобы перемолоть и преобразовать его, я не могу представить себе, что все это происходит на самом деле и что мы все без исключения не являемся жертвой некоей ужасной галлюцинации» [32, т. 5, с. 160]. Страдальческий путь России для него не внове. Письма Ф. Тютчева родным достаточно красноречиво говорят об этом; тягостными настроениями пропитаны письма к Эрн. Ф. Тютчевой.

3 октября 1853 г. Поэт пишет о предощущениях «событий, готовящихся потрясти мир», а между тем: «Здесь, – в салонах (в С.-Петербурге – *Б. Е.*), разумеется, – беспечность, равнодушие и косность умов феноменальны» [32, т. 5, с. 142].

16 октября 1853 г. Ожидание «манифеста в ответ на объявление турками войны» [30, т. 5, с. 144].

16 ноября 1853 г. Тютчев признается: «Да, в недрах моей души – трагедия!» [32, т. 5, с. 149]. Он говорит о пребывании в «состоянии внутренней тревоги», которая поглощает его в преддверии чего-то «грозно-промыслительного» [32, т. 5, с. 150], навеянного ложью печати Англии и Франции о России. Здесь – одно из пророчеств поэта: «<...> Я глубоко убежден, что этот кризис, столь медленно приближавшийся, будет гораздо страшнее и гораздо длительнее, нежели я предполагал. Остатка этого века едва хватит для его разрешения. Россия выйдет из него торжествующей, я знаю, но многое в теперешней России погибнет» [32, т. 5, с. 150–151].

19 декабря 1853 г. Ф. Тютчев неотрывно следит за событиями на Черном море и за европейскими настроениями: «<...> Давно уже война висела в воздухе <...>. Ничто не выражает так ясно всю меру ненависти к России, как это смехотворное бешенство французских и, в особенности, английских газет после наших последних успехов <...>

Весь вопрос для меня сводится к следующему: окажется ли ненависть к нам Запада <...> сильнее ненависти, которая их разделяет? <...>» [32, т. 5, с. 155].

24 февраля 1854 г. Восточный кризис вызывает все возрастающую тревогу поэта: «<...> Больше обманывать себя нечего – Россия, по всей вероятности, вступит в схватку с целой Европой. <...> Это – вечный антагонизм между тем, что <...> приходится называть: Запад и Восток» [32, т. 5, с. 160].

10 марта 1854 г. Ф. Тютчев – в ожидании атаки на столицу англичан и французов «с их четырьмя тысячами артиллерийских орудий и всеми новейшими изобретениями современной филантропии», которые готовы «проникнуть до самой Невы» и «доставить себе удовлетворение если не взять Петербург, то нанести ему оскорбление» [32, т. 5, с. 162]. И вновь звучит пророчество, в котором – вера в правоту и мощь России: «<...> Мы в состоянии оказать им достойный их прием. <...>. Все это бешенство, и все это лицемерие, и это нелепое хвастовство, и эта бесстыдная ложь... <...> Господь в своем правосудии даст этим молодцам урок, который им запомнится» [32, т. 5, с. 163].

Осенью 1854 г. Россия переживает череду неудач в Крымской войне: поражение в битве при Альме (8 сентября), потеря Балаклавы и начало осады Севастополя (24 сентября), поражение при Инкермане (24 октября). 24-го октября 1854 г. Ф. И. Тютчев громко заявляет в стихах: «Теперь тебе не до стихов, / О слово русское, родное!» [32, т. 2, с. 66]. Восстановим хронологию событий, касающихся создания этих строк. В начале 1854 г. И. С. Тургенев затеял издание стихотворений Ф. И. Тютчева. В феврале Англия, Франция и Турция заключили оборонительный и наступательный союз. 21 февраля 1854 г. последовал манифест императора «О прекращении политических сношений с Англией и Францией». 1 марта Николаю I выдвинут ультиматум об очищении дунайских княжеств. Мысли Ф. И. Тютчева явно были всецело заняты не литературными, а политическими делами. Из письма 10 марта 1854 г. к Эрн. Ф. Тютчевой: «<...> Мы приближаемся к одной из тех исторических катастроф, которые запоминаются навеки» [32, т. 5, с. 162]. Тогда же Тютчев предвосхищает горестную развязку войны и сокрушается: «<...> Невозможно, чтобы приступ бешенства, обуявший <...> целый мир, каковым является Англия, не привел к чему-нибудь ужасному. <...> Ах, как печально бессилие» [32, т. 5, с. 162–163]. Однако И. С. Тургенев от замысла не отказался – 30 мая поступило цензурное разрешение к печати сборника стихотворений. 11 сентября 1854 г. началась осада Севастополя. Октябрьское стихотворение Ф. И. Тютчева обратило на себя внимание московского цензурного комитета резким тоном изложения, но 30 декабря 1854 г. представлено на усмотрение министра народного просвещения, 22 января 1855 г. дозволено к печати главным управлением цензуры. Запад и Россия предстали в стихах в непримиримом глубинном противостоянии: «Все богохульные умы, / Все богомерзкие народы <...> / Тебе пророчат посрамленье <...>» [32, т. 2, с. 66]. Крымская война в сознании Тютчева сопряжена с поползновениями Запада на незыблемые устои русского православия и самодержавия. Божьим промыслом Россия – «лучших, будущих времен / Глагол, и жизнь, и просвещение!» [32, т. 2, с. 66]. И ныне решается судьба России в ее, несомненно, нравственно справедливой позиции: «В последней, в роковой борьбе, / Не измени же ты себе / И оправдайся перед Богом...» [32, т. 2, с. 66].

События войны постоянно держали поэта в состоянии высокого душевного напряжения. 19 июня 1854 г. он описывал жене недавно наблюдаемое в Петергофе: неприятельские пароходы, канонаду их орудий, противостояние двух флотов в виду Кронштадта и – «мягкую и доброжелательную насмешку» петербургской публики,

относящейся к происходящему как к «очень интересному зрелищу» [32, т. 5, с. 174–175]. За этой картиной – острое чувство свершающейся истории: «Когда <...> я сказал себе, <...> что это весь Запад пришел выказать свое отрицание России и преградить ей путь к будущему, – я глубоко почувствовал, что все меня окружающее, как и я сам, принимает участие в одном из самых торжественных моментов истории мира» [32, т. 5, с. 175].

За этими строками скрывался трагизм ощущений. 17 июня 1854 г. А. Ф. Тютчева сетовала в письме Д. Ф. Тютчевой на «непостижимо нервное» состояние отца, «проклинающего все мироздание»: «<...> Папа́ отчаивается, ибо полагает, будто мир движется идеями и произволом людей» [29, с. 264–265]. 20 июня она записывала в дневнике: «Бедный отец в отчаянии, ему выпала роль Кассандры этой войны. Своим ясным и тонким умом он предвидит все бедствия, которые являются последствием нашей глупости, и имеет огорчение видеть, как его предвидения сбываются» [33, с. 91]. В письме П. А. Вяземскому от 29 ноября А. Ф. Тютчева делилась: «Папа́ теперь похож на зверя, который мечется в клетке. <...> Он говорит, что это война прохвостов с кретинами» [29, с. 266].

Лишь в 1867 г. впервые опубликовано стихотворение «На новый 1855 год» [32, т. 2, с. 67]. По свидетельству П. И. Бартенева, поначалу стихотворение было известно только в узком кругу, но «удивительные в их поэтической чуткости строфы» имели «высокое историко-литературное значение» [цит. по: 32, т. 2, с. 406]. Стихотворение, созданное, по-видимому, под новый, 1855 г., – пророчески дальновидное и актуальное и на 1856 г.: «Черты его ужасно-строги, / Кровь на руках и на челе... / <...> Для битв он послан и расправы, / С собой несет он два меча: / Один – сражений меч кровавый, / Другой – секиру палача» [32, т. 2, с. 67]. Не случайно в альбоме Г. П. Данилевского оно озаглавлено: «1856»; текст предваряет помета: «С.-Петербург. 31 декабря, 1855» [32, т. 2, с. 405]. Именно болезненностью поднятого вопроса объясняется спорность датировки. П. И. Бартенов: «<...> Стоит перенестись мыслию к злосчастной эпохе Альмы и Инкермана, стоит вспомнить напряжение всей Европы, тогдашнюю общественную и политическую духоту, чтобы понять, какой животрепещущий смысл имело это стихотворение для того времени» [цит. по: 32, т. 2, с. 406]. Кстати, это стихотворение, как и более раннее «Спиристическое предсказание», отсылает к спиритическим сеансам, на которых Ф. И. Тютчев пытался прозреть судьбу России. П. И. Бартенов считал, что именно таинственные пророчества духов внушили поэту стихи «Стоим мы слепо пред Судьбою...» (в декабре 1854 г.). И в записке Г. П. Данилевскому поэт завуалированно говорил о пророчестве на грядущий год, как о навеянном из неподвластного человеку миру духов: «Вы спрашиваете, милый поэт мой, нет ли у меня мысли о наступающем годе?.. У меня собственно – никакой. Назвать вам мысль – чужая. Чья же именно?.. Это довольно трудно объяснить – да и не нужно» [32, т. 2, с. 406]. Все та же человеческая растерянность перед лицом реальной истории и вера в судьбоносность и предначертанность происходящего: «Стоим мы слепо пред Судьбою, / Не нам сорвать с нее покров... / Я не свое тебе открою, / Но бред пророческий духов...» [32, т. 2, с. 67].

Война, Севастополь «не отпускают» поэта. 15 марта 1855 г. А. Ф. Тютчева сделала запись в дневнике: «3 марта отражено нападение французов <...> 5-го убит адмирал Истомин. Ход переговоров на конференции держится в величайшей тайне. Мой отец волнуется, мучится и пребывает в очень мрачном настроении из-за оборота, который принимает наше политическое положение...» [33, с. 152–153].

По пути из Москвы в Овстуг (Рославль Смоленской губернии) 13 августа 1855 г. написано стихотворение «Вот от моря и до моря». Ф. И. Тютчев пристально следит за событиями в осажденном Севастополе. «Много славы, много горя» переживают там русские воины, и известия об этом несет «ворон черный» – вестник смерти: «<...> Уж не кровь ли ворон чует / Севастопольских вестей?...» [32, т. 2, с. 72]. Поэт, безусловно, по-прежнему патриот, но акценты кардинально изменены: кровь русских людей застилает всю героину войны. Ф. Тютчев здесь, прежде всего, русский человек, страдающий, переживающий боль утрат и всепоглощающего горя. Сказать, что лишь сейчас пришло истинное осознание поэтом цены Крымской войны, нельзя. Оно являло себя в провидческом даре Ф. Тютчева изначально – достаточно обратиться к письмам поэта. Оно присутствовало в логике политика-дипломата. Но присутствовало в значительной степени философски-отстраненно; эмоционально, но отчуждаемо от «Я»-себя. Военные сводки, свидетельства участников боев, собственные наблюдения в Петергофе облекли далекую реальность в зримо-осязаемую, близкую, кроваво-страшную.

Полугодом ранее Ф. И. Тютчев поддержал позицию трезвомыслящей части русского общества стихами «Не Богу ты служил и не России...» (первая публикация – 1922 г.). Г. И. Чулков полагает, что эта эпиграмма-эпитафия написана сразу после смерти Николая I, наступившей 18 февраля 1855 г. [32, т. 2, с. 423–424]. К. В. Пигарев опровергает это утверждение: эпиграмма написана уже после падения Севастополя [30, т. 1, с. 408]. Но оба комментатора едины во мнении: эти строки – приговор покойному императору Николаю I, его слепой политике: «<...> Все было ложь в тебе, все призраки пусты: / Ты был не царь, а лицедей» [32, т. 2, с. 73]. Для поэта-монархиста подобная «нелояльность» – едва ли не крах его политической системы. Но уточним: это пауза, период переосмысления. Ф. Тютчев по-прежнему видит Россию православную во главе славянского мира, но исторически решающий момент еще не настал: «Еще нам далеко до цели, / Гроза ревет, гроза растет <...>» [32, т. 2, с. 67] («На новый 1855 год»).

Неприятие Ф. Тютчевым николаевской политики в Европе еще более усугубилось лицемерной позицией австрийских политических деятелей. Официальная Австрия, многим обязанная Николаю I (его военной поддержке, которая воспрепятствовала распаду Австрии во время венгерского восстания 1849 г., и дипломатическому заступничеству в германских делах 1850 г.), заявила нейтральный статус в военном конфликте, но фактически, не оказав России помощи, помогала противникам России. «Австрийский император, после того как он двойственностью своей политики влил последнюю каплю яда в переполненную чашу, которой Европа отравила последние дни царствования императора Николая, поспешил <...> прислать телеграмму с выражением самого горячего сожаления <...>» [33, с. 139–140], – записала в дневнике 24 февраля 1855 г. А. Ф. Тютчева. Очевидно: русское общество было оскорблено бесчестным визитом эрцгерцога Вильгельма Австрийского в день прощания с почившим государем. «На похороны Николая I ко всеобщему негодованию явился какой-то австрийский герцог» [29, с. 267], – записал П. И. Бартенев в начале марта 1855 г. Тогда же распространилось стихотворение Ф. И. Тютчева «По случаю приезда австрийского эрцгерцога на похороны императора Николая» (1 марта 1855 г.), передающее общее впечатление русских людей: «Нет, мера есть долготерпенью, / Бесстыдству тоже мера есть!.. / Клянусь его священной тенью, / Не все же можно перенести! / <...> Прочь, прочь австрийского Иуду / От гробовой его доски!» [32, т. 2, с. 68]. Стихи, согласно дневниковой записи В. С. Аксаковой от 8 марта 1855 г., «сильные, и видно, что

искренние» [цит. по: 32, т. 2, с. 410], по всей видимости, были известны Александру II, весьма холодно принявшему эрцгерцога [33, с. 142] (дочь Ф. Тютчева Анна Федоровна служила при дворе и была хорошо осведомлена о подобных событиях).

Письма мая – летних месяцев 1855 г. пестрят горестными подробностями событий в Севастополе. Владеещее автором чувство – ошеломительная растерянность, подавленность кровавыми потерями, боль за униженное Отечество. 21 мая 1855 г. озвучены «плохие известия» последних дней: неудача под Севастополем и взятие противником Керчи, появление неприятельского флота на горизонте (взгляд из Петергофа) [32, т. 5, с. 209–210]. 30 июля 1855 г., вновь побывав в Петергофе, поэт говорит об обстрелах и о превосходстве противника в огне: «Все это очень грустно и очень тревожно» [32, т. 5, с. 218].

3 сентября 1855 г. последовало известие о падении Севастополя, которое обессилило Ф. Тютчева. Из дневника А. Ф. Тютчевой: «Зная его страстные патриотические чувства, я очень опасалась первого взрыва его горя, и для меня было большим облегчением увидеть его не раздраженным; из его глаз только тихо катились крупные слезы <...>» [33, с. 186]. 17 сентября 1855 г. Ф. Тютчев раскрывает жене смысл «севастопольской катастрофы»: «<...> И это ужасное бедствие, вероятно, только исходная точка, первое звено целой цепи еще более страшных бедствий...» [32, т. 5, с. 227]. Он считает Крым «потерянным»: «Ибо что может быть серьезнее такого положения, когда даже некоторые успехи <...> только продлили бы, как это было под Севастополем, агонию защитников и, самое большее, заставили бы противника направить на другое место свой удар, хотя и там не было бы ни малейшей надежды отвести или отразить его» [32, т. 5, с. 227].

Драматичное развитие военных действий изменило характер восприятия войны многими русскими литераторами и общественными деятелями. Россия «больна Севастополем», – выразил настроение русского общества гр. П. А. Валуев [4, с. 349]. После кончины Николая I славянофилы громче заговорили о возрождении «национальной идеи», о политике, «отвечающей интересам России, а не “выгодам Европы”» [8, с. 395]. Всеобщее единодушие теперь стало выражаться в разочаровании прежними «увлечениями». Так, переосмысливает происходящее А. Н. Майков [2, с. 96–97]. Прежний пафос его стихотворений, воспевающих заслуги Николая I («Коляска», 1854; «Послание в лагерь», 1854; «18 февраля 1855», 1855), был отринут в беседе с Я. Полонским: «Я был просто дурак, когда видел что-то великое в Николае. Это была моя глупость, но не подлость!» [23, с. 107]. Сознавался в подобных мыслях и сам Полонский: «В утешение и я ему сказал, что и я было увлекся после Синопской битвы, но скоро спохватился и, стало быть, верю от души и его увлечениям» [23, с. 107]. Стихотворения Полонского «На Черном море» (1855) и «Молитва» (рубеж 1855–1856 гг.) выражают боль и растерянность перед реальностью [2, с. 97–98].

В комментариях Тютчева по поводу непостижимых злоупотреблений в армии громко звучит нота недовольства высшей административной системой, позицией закрытых глаз на очевидные ошибки во внешней и военной политике Николая I. Мыслитель в своей концепции будущего развития России опирался на православную этику и, размышляя о тысячелетней истории, отталкивался от нравственного смысла Истории. «Тютчев, – как справедливо отмечал В. В. Кожинов, – понимал выражаемую им идею о необходимом нравственном смысле истории и политики как народную идею России» [9]. Но при этом он активно проживал и переживал современность, как следствие – его волновал вопрос «о нравственном смысле политики, о государственной этике» [9].

И если на 1840-е годы поэт отстаивал этическое содержание политики России (об этом, в частности, ст. «Россия и Германия»), то к исходу Крымской войны он говорит о «недомыслии, которое наложило свою печать на наш политический образ действий» и «сказалось и в нашем военном управлении», о «подавлении мысли» как о «руководящем принципе правительства», в результате чего – «всё и все отупели» [32, т. 5, с. 210] (21 мая 1855 г., из письма к Эрн. Ф. Тютчевой).

Ф. И. Тютчев был нетерпим к русофобским выпадам. Об «антирусских кошмарах в политике», «душивших» поэта, вспоминал кн. В. П. Мещерский [11, с. 319]. И столь же яростно Тютчев был возмущен позицией официальной печати, которая поддерживала ложь западной прессы «пошлым смирением наших бюллетеней и непостижимым старанием преуменьшить потери врага в наших донесениях». «А когда этих идиотов спрашивают о причине всей этой сдержанности, – рассуждал Тютчев об официальной печати, – они вам говорят, что это для того, чтобы не раздражать общественного мнения» [32, т. 5, с. 216]. И вновь Ф. Тютчев в предощущении, на этот раз – «переворота, который, как метлой, сметет всю эту ветошь и все это бесчестие» [32, т. 5, с. 216]. Виновником происходящего теперь поэт видит Николая I. Из письма Эрн. Ф. Тютчевой от 17 сентября 1855 г.: «Для того чтобы создать такое безвыходное положение, нужна была чудовищная тупость этого злосчастного человека, который в течение своего тридцатилетнего царствования, находясь постоянно в самых выгодных условиях, ничем не воспользовался и все упустил» [32, т. 5, с. 228]. Впрочем, поэт сознает, что причина бедствий еще и в целой цепи ошибочных исторических решений, а потому констатирует, что «заблуждение и помрачение ума одного человека» не могло привести к столь тотальному краху всей системы, что «его ошибка была лишь роковым последствием совершенно ложного направления, данного задолго до него судьбам России» [32, т. 5, с. 228]. Тютчев и позднее не раз акцентировал внимание на системных недостатках во властных сферах, ориентированных на западное представление о будущем России. В 1857 г., в преддверии реформ, Ф. Тютчев был убежден: «Власть в России на деле безбожна» [9]. Уже в мае 1867 г. в стихах «Напрасный труд – нет, их не вразумишь» (впервые опубликовано в 1868 г.) Ф. Тютчев едко высказывается о преступно скудном понимании национального в высших правительственных сферах, которое, по словам И. С. Аксакова, превратилось в «высокомерное, невежественное пренебрежение к правам и интересам Русской народности» [1, с. 74]: «Чем либеральней, тем они пошлее <...> / Как перед ней ни гнитесь, господа, / Вам не снискать признанья от Европы: / В ее глазах вы будете всегда / Не слуги просвещенья, а холопы» [32, т. 2, с. 181].

После падения Севастополя противоборствующие стороны стали склоняться к мирным переговорам. Обсуждение австрийских предложений по заключению мира было воспринято четой Тютчевых как «постыдное действие», мучительное унижение «для национального достоинства» [29, с. 282]. В разгар работы мирной конференции в Париже поэт расценивал «мир» как унижение России, поскольку стране приходилось идти на весьма серьезные политические и материальные жертвы.

ВЫВОДЫ

Восточная (Крымская) война заставила Тютчева переосмыслить собственные представления о настоящем России и о ее исторической роли. Речь не шла о полном отказе от давно вызревшей концепции, но теперь, после проверки этой концепции событиями эпохального масштаба, историческая реализация теории виделась Тютчевым

в контексте реалистичных условий и серьезных препятствий. Крымская война расценивалась поэтом как болезненное, но неизбежное испытание, как этап взросления России, без которого невозможно исполнение ею исторической миссии. Эта мысль глубоко выражена в письме к Эрн. Ф. Тютчевой от 30 ноября 1854 г.: «И пройдет <...> много времени, прежде чем несчастная Россия – та Россия, какую ее сделали, – осмелится позволить себе более живое сознание своего Я и своего Права <...>. Жизнь народная, жизнь историческая еще не проснулась в массах населения. Она ожидает своего часа, и, когда этот час пробьет, она откликнется на призыв и проявит себя вопреки всему и всем» [32, т. 5, с. 201–202]. Мыслитель остается верен идее о великом предназначении России, но сознает, что «возвращение на верный путь будет сопряжено с долгими и весьма жестокими испытаниями» [32, т. 5, с. 228].

В эпоху противостояния с Европой поэзия, публицистика, эпистолярное наследие Тютчева оказались полностью подчинены мыслям о судьбе России, хотя его жизнь, казалось бы, диктовала иные, западноевропейские интересы и ориентиры. «Барич по происхождению, воспитанный на немецкой литературе, проведший лет тридцать в Германии, в Мюнхене, в пучине немецкой учености, сибарит, редко говоривший по-русски» [21, с. 27], – характеризовал поэта М. П. Погодин, но отзывался о нем и так: «Помазанный человек русский, истинный Европеец» [21, с. 25]. Гр. С. Д. Шереметев писал о Тютчеве: «У него было русское пламенное чувство, но ни жизнью своею, ни воспитанием своим он русским не был...» [36, с. 161]. Кн. В. П. Мещерский не единожды удивлялся глубокой русскости поэта: «<...> Он говорил медленно, изящно и спокойно... Но тогда, когда его задевали за живое русское чувство или когда кто-нибудь его раздражал своими суждениями, он выходил из себя и говорил с огнем...» [11, с. 159]. Баварский публицист барон Карл фон Пффефель дал исчерпывающую характеристику Ф. И. Тютчеву, когда зафиксировал, что для поэта, для его миропонимания Россия являлась «исходной точкой» [25, с. 34]. М. П. Погодин говорил о поэте как о «решительно первом представителе народного сознания о Русской миссии в Европе, в Истории: никто в России не понимает так ясно, не убежден так твердо, не верит так искренно в ее призвание, как он» [22, с. 28].

Верность приведенных отзывов полностью подтверждается той самоотверженной настойчивостью, с какой Тютчев выстраивал концепцию исторической роли России, и той искренностью, с какой поэт переживал горькие неудачи своего Отечества. Реализовавшись в разножанровых текстах, размышления поэта о судьбе России воспринимаются не догматизмом, а живым процессом поиска истины, результаты которого определяются и аналитическими способностями, и чуткостью интуиции, и глубиной эмоций, и самостоятельностью мировоззрения. Закономерно, что творческое наследие поэта стало ценным источником национального духовного опыта, доказывающим свою актуальность всякий раз, когда в истории России наступает период тяжелых испытаний.

Список литературы

1. Аксаков И. С. Биография Федора Ивановича Тютчева: Репринтное воспроизведение издания 1886 года. – М.: АО «Книга и бизнес», 1997. – 327 с.
2. Баранская Е. М. Лирический герой и литературная личность Я. П. Полонского. – Симферополь: ИТ «Ариал», 2020. – 184 с.

3. *Баранская Е. М.* Поэты «чистого искусства» в исторической судьбе России: Я. П. Полонский // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического ун-та. Серия: Филология. История. – 2015. – № 1. – С. 57–64.
4. *Валуев П. А.* Дума русского (во второй половине 1855 года) // Русская старина. – 1891. – № 5. – С. 349–360.
5. *Галян С. В.* История как аргумент: риторика политической поэзии Ф. И. Тютчева // Научный диалог. – 2017. – № 7. – С. 46–57.
6. *Динесман Т. Г.* Ф. И. Тютчев. Страницы биографии: К истории дипломатической карьеры. – М.: ИМЛИ РАН, 2004. – 160 с.
7. *Долгушин Д. В.* Россия и революция в историософских интерпретациях В. А. Жуковского и Ф. И. Тютчева // Вестник Томского государственного ун-та. – 2018. – № 431. – С. 29–37.
8. История внешней политики России: В 5-ти т. – Т. 3. Первая половина XIX века (От войн России против Наполеона до Парижского мира 1856 г.). – М.: Академический проект; Парадигма, 2018. – 441 с.
9. *Кожин В. В.* Пророк в своем отечестве. Федор Тютчев – история России век XIX [Электронный ресурс]. – М.: ООО «Алгоритм-книга», 2001. – 413 с. // Lit-info.ru. – Режим доступа: <http://tutchev.lit-info.ru/tutchev/about/kozhinov/progok.htm>. – (Дата обращения: 25.05.2022).
10. *Лэйн Р.* Публицистика Тютчева в оценке западноевропейской печати конца 1840-х – начала 1850-х годов // Литературное наследство. Т. 97. Федор Иванович Тютчев: В 2-х кн. – Кн. I. – М.: Наука, 1988. – С. 231–252.
11. *Мещерский В. П.* Воспоминания / Князь Мещерский. – М.: Захаров, 2001. – 687 с.
12. *Орехов В. В.* «Клеветникам России»: авторская позиция и литературная репутация // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2019. – Т. 5 (71). – № 3. – С. 69–88.
13. *Орехов В. В.* «Партизанская тактика» информационной войны. Часть II: Информационная безопасность в эпоху Николая I // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2021. – Т. 7 (73). – № 3. – С. 131–167.
14. *Орехов В. В.* Русские «скифы»: эволюция образа // Вестник славянских культур. – 2009. – № 1 (XI). – С. 68–74.
15. *Орехов В. В.* «Русский миф» и «комплекс маркиза де Кюстина». Часть II: «Северный колосс» в контексте информационной войны // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2022. – Т. 8 (74). – № 2. – С. 33–56.
16. *Орехова Л. А., Орехов В. В., Первых Д. К., Орехов Д. В.* Крымская Илиада. Крымская (Восточная) война 1853–1856 годов глазами современников: литература, архивы, пресса. – Симферополь: СГТ, 2010. – 480 с.
17. *Орехова Л. А., Суцинина С. С.* Крымская война в жизни и творчестве П. А. Вяземского // Историческое наследие Крыма. – Симферополь, 2005. – № 10. – С. 42–50.
18. *Осват А. Л.* Новонайденный политический меморандум Тютчева: к истории создания // Новое литературное обозрение. – 1992. – № 1. – С. 89–97.
19. *Осват А. Л.* Элементы политической мифологии Тютчева (Комментарий к статье 1844 г.) // Тютчевский сборник: 2. – Тарту, 1999. – С. 227–263.
20. *Пигарев К. В.* Жизнь и творчество Тютчева. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – 376 с.
21. *Погодин М. П.* Воспоминание о Ф. И. Тютчеве // Литературное наследство. Т. 97. Федор Иванович Тютчев: В 2-х кн. – Кн. II. – М.: Наука, 1988. – С. 24–27.
22. *Погодин М. П.* <О Тютчеве> // Литературное наследство. Т. 97. Федор Иванович Тютчев: В 2-х кн. – Кн. II. – М.: Наука, 1988. – С. 28–29.
23. *Полонский Я. П.* Дневниковые записи. Копия, сделанная рукой Ж. А. Полонской. 1856–1860 гг. – РГАЛИ. – Ф. 403, оп. 2, ед. хр. 7. – 136 л.
24. *Полонский Я. П.* Лирика; Проза. – М.: Правда, 1984. – 608 с.
25. *Пфеффель Карл.* <Заметка о Тютчеве> // Литературное наследство. Т. 97. Федор Иванович Тютчев: В 2-х кн. – Кн. II. – М.: Наука, 1988. – С. 33–36.
26. С нами Бог! Вперед!.. Ура!.. Собрание стихотворений на нынешнюю войну. – М.: Изд. В. Дементьева, тип. Л. Степановой, 1854. – 183 с.
27. *Тарле Е. В.* Крымская война: В 2-х т. – Т. 1. – СПб.: Наука. Ленинградское отделение, 2011. – 463 с.

28. Толстогузов П. Н. Политическая лирика Тютчева как бесспорное наследие // Вестник Приамурского государственного университета им. Шолом-Алейхема. – 2016. – № 2 (23). – С. 76–84.
29. Тютчев в письмах и дневниках членов его семьи и других современников // Литературное наследство. Т. 97. Федор Иванович Тютчев: В 2-х кн. – Кн. II. – М.: Наука, 1988. – С. 171–434.
30. Тютчев Ф. И. Лирика: В 2-х т. – М.: Наука, 1965. – Т. 1–2.
31. Тютчев Ф. И. Незавершенный трактат «Россия и Запад» // Литературное наследство. Т. 97. Федор Иванович Тютчев: В 2-х кн. – Кн. I. – М.: Наука, 1988. – С. 183–230.
32. Тютчев Ф. И. Полное собрание сочинений. Письма: В 6-ти т. – М.: ИЦ «Классика», 2002–2005.
33. Тютчева А. Ф. При дворе двух императоров. Воспоминания. – М.: Захаров, 2002. – 424 с.
34. Хомяков А. С. Стихотворения и драмы. – Л.: Советский писатель, 1969. – 594 с.
35. Чичерин А. В. Образ времени в поэзии Тютчева // Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. – М.: Наука, 1969. – Т. XXVIII. – Вып. 5. – С. 403–407.
36. Шереметев С. Д. Мемуары графа С. Д. Шереметева. – М.: Индрик, 2001. – 736 с.
37. Шишкова Н. М. Политическая лирика Ф. И. Тютчева как часть его мировоззренческой концепции [Электронный ресурс] // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2013 // Cyberleninka.ru. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskaya-lirika-f-i-tyutcheva-kak-chast-ego-mirovozzrencheskoj-kontseptsii>. – (Дата обращения: 07.06.2022).

References

1. Aksakov I. S. *Biografija Fedora Ivanovicha Tjutcheva: Reprintnoe Vosproizvedenie Izdanija 1886 Goda* [Biography of Fyodor Ivanovich Tyutchev: Reprint Reproduction of the 1886 Edition]. Moscow: Kniga i Biznes Publ., 1997. 327 p.
2. Baranskaja YE. M. *Liricheskiĭ Geroj i Literaturnaja Lichnost' Ja. P. Polonskogo* [Lyrical Hero and Literary Personality of Ya. P. Polonsky]. Simferopol: Arial Publ., 2020. 184 p.
3. Baranskaja YE. M. *Pojety «Chistogo Iskusstva» v Istoricheskoj Sud'be Rossii: Ja. P. Polonskiĭ* [Poets of "Pure Art" in the Historical Fate of Russia: Ya. P. Polonsky]. *Uchenye Zapiski Krymskogo Inzhenerno-Pedagogičeskogo Universiteta. Serija: Filologija. Istorija*, 2015, no. 1, pp. 57–64.
4. Valuev P. A. *Duma Russkogo (vo Vtoroj Polovine 1855 Goda)* [Thought of the Russian (in the Second Half Of 1855)]. *Russkaja Starina*, 1891, no. 5, pp. 349–360.
5. Galjan S. V. *Istorija kak Argument: Ritorika Politicheskoj Pojezii F. I. Tjutcheva* [History as an Argument: the Rhetoric of Political Poetry by F. I. Tyutchev]. *Nauchnyj Dialog*, 2017, no. 7, pp. 46–57.
6. Dinesman T. G. *F. I. Tjutchev. Stranicy Biografii: K Istorii Diplomaticheskoi Kar'ery* [F. I. Tyutchev. Biography Pages: On the History of Diplomatic Career]. Moscow: IMLI RAN Publ., 2004. 160 p.
7. Dolgushin D. V. *Rossija i Revoljucija v Istoriosofskih Interpretacijah V. A. Zhukovskogo i F. I. Tjutcheva* [Russia and the Revolution in the Historiosophical Interpretations of V. A. Zhukovsky and F. I. Tyutchev]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2018, no. 431, pp. 29–37.
8. *Istorija Vneshnej Politiki Rossii: V 5-ti t.* [The History of Russia's Foreign Policy in 5 Volumes.]. T. 3. *Pervaja polovina XIX veka (Ot vojn Rossii protiv Napoleona do Parizhskogo mira 1856 g.)* [Vol. 3. The first half of the XIX century (From the wars of Russia against Napoleon to the Peace of Paris in 1856)]. Ed. by A. N. Sakharov. Moscow: Akademicheskij Proekt; Paradigma Publ., 2018. 441 p.
9. Kozhinov V. V. *Prorok v Svoem Otechestve. Fedor Tjutchev – Istorija Rossii Vek XIX* [The Prophet in His Fatherland. Fyodor Tyutchev – the History of Russia in the 19th Century]. Moscow: Algoritm-Kniga Publ., 2001. 413 p. *Lit-info.ru*. Available at: <http://tutchev.lit-info.ru/tutchev/about/kozhinov/prorok.htm>. (Accessed: 25.05.2022).
10. Ljejn R. *Publicistika Tjutcheva v Ocenke Zapadnoevropejskoj Pechati Konca 1840-h – Nachala 1850-h Godov* [Tyutchev's Journalism in the Assessment of the Western European Press of the Late 1840^s – Early 1850^s]. *Literaturnoe Nasledstvo*. Moscow: Nauka Publ., 1988, vol. 97, no. 1, pp. 231–252.
11. Meshherskiĭ V. P. *Vospominanija. Knjaz' Meshherskiĭ* [Memoirs. Prince Meshchersky]. Moscow: Zakharov Publ., 2001. 687 p.
12. Orehov V. V. «Klevetnikam Rossii»: *Avtorskaja Pozicija i Literaturnaja Reputacija* ["Slanderers of Russia": Author's Position and Literary Reputation]. *Uchenye Zapiski Krymskogo Federal'nogo Universiteta. Filologičeskie Nauki*, 2019, vol. 5 (71), no. 3, pp. 69–88.

13. Orehov V. V. «Partizanskaja Taktika» Informacionnoj Vojny. Chast' II: Informacionnaja Bezopasnost' v Jepohu Nikolaja I ["Guerrilla Tactics" of Information Warfare. Part II: Information Security in the Era of Nicholas I]. *Uchenye Zapiski Krymskogo Federal'nogo Universiteta. Filologicheskie Nauki*, 2021, vol. 7 (73), no. 3, pp. 131–167.
14. Orehov V. V. *Russkie «Skify»: Jevoljucija Obraza* [Russian "Scythians": the Evolution of the Image]. *Vestnik Slavjanskih Kul'tur*, 2009, no. 1 (XI), pp. 68–74.
15. Orehov V. V. «Russkij Mif» i «Kompleks Markiza de Kjustina». Chast' II: «Severnyj Koloss» v Kontekste Informacionnoj Vojny ["Russian Myth" and "Complex of the Marquis de Custine". Part II: The Northern Colossus" in the Context of the Information War]. *Uchenye Zapiski Krymskogo Federal'nogo Universiteta. Filologicheskie Nauki*, 2022, vol. 8 (74), no. 2, pp. 33–56.
16. Orehova L. A., Orehov V. V., Pervyh D. K., Orehov D. V. *Krymskaja Iliada. Krymskaja (Vostochnaja) Vojna 1853–1856 Godov Glazami Sovremennikov: Literatura, Arhivy, Pressa* [Crimean Iliad. The Crimean (Eastern) War of 1853–1856 through the Eyes of Contemporaries: Literature, Archives, Press]. Simferopol: SGT Publ., 2010. 480 p.
17. Orehova L. A., Sushhinina S. S. *Krymskaja Vojna v Zhizni i Tvorchestve P. A. Vyazemskogo* [The Crimean War in the Life and Work of P. A. Vyazemsky]. *Istoricheskoe Nasledie Kryma*. Simferopol', 2005, no. 10, pp. 42–50.
18. Ospovat A. L. *Novonajdenyj Politicheskij Memorandum Tjutcheva: k Istorii Sozdanija* [Newly Found Political Memorandum by Tyutchev: to the History of Creation]. *Novoe Literaturnoe Obozrenie*, 1992, no. 1, pp. 89–97.
19. Ospovat A. L. *Jelementy Politicheskoi Mifologii Tjutcheva: (Kommentarij k Stat'e 1844 g.)* [Elements of Tyutchev's Political Mythology: (Commentary to the Article of 1844)]. *Tjutchevskij Sbornik: 2*. Tartu, 1999, pp. 227–263.
20. Pigarev K. V. *Zhizn' i tvorchestvo Tjutcheva* [Tyutchev's Life and Work]. Moscow: AN SSSR Publ., 1962. 376 p.
21. Pogodin M. P. *Vospominanie o F. I. Tjutcheve* [Remembrance of F. I. Tyutchev]. *Literaturnoe Nasledstvo*. Moscow: Nauka Publ., 1988, vol. 97, no. 2, pp. 24–27.
22. Pogodin M. P. <O Tjutcheve> [<About Tyutchev>]. *Literaturnoe Nasledstvo*. Moscow: Nauka Publ., 1988, vol. 97, no. 2, pp. 28–29.
23. Polonskij JA. P. *Dnevnikovye Zapisi. Kopija, Sdelannaja Rukoj Zh. A. Polonskoj. 1856–1860 gg.* [Diary Notes. A Copy made by the Hand of ZH. A. Polonskaya. 1856–1860]. The Russian State Archive of Literature and Arts. S. 403, in. 2, un. stor. 7. 136 sh.
24. Polonskij JA. P. *Lirika; Proza* [Lyric Poetry; Prose]. Moscow: Pravda Publ., 1984. 608 p.
25. Pfeffel' Karl. <Zametka o Tjutcheve> [<A Note about Tyutchev>]. *Literaturnoe Nasledstvo*. Moscow: Nauka Publ., 1988, vol. 97, no. 2, pp. 33–36.
26. *S nami Bog! Vpered!. Ura!.. Sobranie Stihotvorenij na Nyneshnjuju Vojnu* [God is with us! Go ahead! Hurray!.. Collection of Poems for the Current War]. Moscow: Izdatel'stvo V. Dementiev Publ., Tipografija L. Stepanova Publ., 1854. 183 p.
27. Tarle E. V. *Krymskaja Vojna: V 2-h t.* [The Crimean War in 2 volumes]. Vol. 1. St. Petersburg: Nauka Publ., Leningradskoe otdelenie, 2011. 463 p.
28. Tolstoguzov P. N. *Politicheskaja Lirika Tjutcheva kak Besspornoe Nasledie* [Tyutchev's Political Lyrics as an Indisputable Legacy]. *Vestnik Priamurskogo Gosudarstvennogo Universiteta im. Sholom-Alejhema*, 2016, no 2 (23), pp. 76–84.
29. *Tjutchev v pis'mah i dnevnikah chlenov ego sem'i i drugih sovremennikov* [Tyutchev in letters and diaries of his family members and other contemporaries]. *Literaturnoe Nasledstvo*. Moscow: Nauka Publ., 1988, vol. 97, no. 2, pp. 171–434.
30. Tyutchev F. I. *Lirika: V 2-h t.* [Lyrics in 2 volumes]. Edition Prepared by K. V. Pigarev. Moscow: Nauka Publ., 1965.
31. Tyutchev F. I. *Nezavershennyj Traktat «Rossija i Zapad»* [Unfinished Treatise "Russia and the West"]. *Literaturnoe Nasledstvo*. Moscow: Nauka Publ., 1988, vol. 97, no. 1, pp. 183–230.
32. Tyutchev F. I. *Polnoe Sobranie Sochinenij. Pis'ma: V 6-ti t.* [Complete Works. Letters in 6 vols.]. Moscow: Izdatel'skij Centr Klassika Publ., 2002–2005.
33. Tyutcheva A. F. *Pri Dvore Dvuh Imperatorov. Vospominanija* [At the Court of Two Emperors. Memoirs]. Moscow: Zakharov Publ., 2002. 424 p.

34. Homjakov A. S. *Stihotvorenija i Dramy* [Poems and Dramas]. Leningrad: Sovetskij Pisatel' Publ., 1969. 594 p.
35. Chicherin A. V. *Obraz Vremeni v Pojezii Tjutcheva* [The Image of Time in Tyutchev's Poetry]. *Izvestija Akademii Nauk SSSR. Otdelenie literatury i Jazyka*. Moscow: Nauka Publ., 1969. Vol. XXVIII, issue 5, pp. 403–407.
36. Sheremetev S. D. *Memuary Grafa S. D. Sheremeteva* [Memoirs of Count S. D. Sheremetev]. Moscow: Indrik Publ., 2001. 736 p.
37. Shishhova N. M. *Politicheskaja Lirika F. I. Tjutcheva kak Chast' Ego Mirovozzrencheskoj Konceptcii* [Political Lyrics of F. I. Tyutchev as Part of His Ideological Concept]. *Vestnik Adygejskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Serija 2: Filologija i Iskusstvovedenie*, 2013. *Cyberleninka.ru*. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskaya-lirika-f-i-tyutcheva-kak-chast-ego-mirovozzrencheskoj-kontseptsii>. (Accessed: 07.06.2022).

A POET IN THE HISTORY OF RUSSIA: F. I. TYUTCHEV AND THE EASTERN (CRIMEAN) WAR 1853–1856

Baranskaya E. M.

The article traces the state of public consciousness in Russia in the middle of the XIX century and the reflection of historical events of the era in the poetic work, journalism and epistolary of representatives of Russian culture, in particular, F. I. Tyutchev. The perception of the events of the Eastern (Crimean) War of 1853–1856 is analyzed by the Russian thinker, taking into account the psychological makeup of his personality, revealed in the letters of the poet and his contemporaries; in turn, the epistolary presents a rich information and analytical material on the history of Russia. The political lyrics of the poet of the 1840^s–1850^s are studied, which is focused on the nuances of the foreign policy activities of the Russian state and includes the global historical vision of the poet. It turns out that the starting point in F. I. Tyutchev's worldview is Russia – its history and global world purpose, which dictates both the actual political activity of the thinker included in the information policy of the Russian state, and his journalistic works, in a single array with which political lyrics appear. It is emphasized that the events and outcome of the Eastern (Crimean) War of 1853–1856 are experienced by the poet as a personal tragedy and make significant adjustments to F. I. Tyutchev's political concept of Russia and Europe, predetermines the historical paths of their future in the poet's mind.

Keywords: F. I. Tyutchev, the Eastern (Crimean) War of 1853–1856, the history of Russia, political lyrics, journalism, epistolary.